

В.А. Горбунова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Пространственные метафоры
в «Паренесисе» Ефрема Сирина**

Аннотация: В статье описываются случаи метафорического употребления конструкций с пространственной типовой семантикой в тексте сборника назидательных слов Ефрема Сирина (список XIV в.). Устанавливается круг значений, передаваемых с помощью подобных переносов, а также структурные и семантические разновидности конструкций, регулярно подвергающихся трансформации.

The paper discusses the metaphorical uses of syntactic constructions with typical spatial semantics in the text of collected didactic words 'Paraenesis' by Ephraem Syrus (the copy dated to the 14th century). The author of the paper determines the range of meanings conveyed with the help of semantic transformation and describes the syntactical structures and types of spatial relations most commonly and universally used as a basis for metaphors in the text.

Ключевые слова: метафора, моделирование простого предложения, типовая синтаксическая структура, пространственные отношения, церковнославянский язык.

Metaphor, modeling of a simple sentence, typical syntactical structure, topological relations, Old East Slavic.

УДК: 811.163.1 : 81'367.332

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор языков народов Сибири. Тел. (383) 3301815. E-mail: englgreen@gmail.com.

В последние десятилетия интерес к метафоре как явлению языка усилился, а ее сложная, многоаспектная природа стимулировала активное развитие целого ряда исследовательских подходов – структурно-семантического [Скляревская, 1993; Телия, 1988а], семиотического [Арутюнова, 1988], лингвокультурологического [Телия, 1988б], лексикографического [Ковтун, 1978; Скляревская, 1983] и др. Одним из развивающихся направлений метафорологии является изучение метафоры в истории языка, в том числе и на самых ранних этапах становления его литературной формы в богослужебных книгах. Сведения о метафорике древних памятников позволяют составить более полное представление и о метафорической системе русского языка на ее современном этапе, так как «на... формирование его (русского метафорического мировоззрения – В.Г.) во всей полноте, в какой только может воздействовать на сознание сакральный текст, повлияли церковнославянские переводы раннехристианских святоотеческих трудов» [Лагу-та, 2003, с. 111–112]. В данной статье на материале «Паренсиса» Ефрема Сирина¹ мы рассмотрим пути метафорических трансформаций конструкций со статической пространственной семантикой.

Объект исследования представлен выборкой, насчитывающей более 1500 конструкций, реализующих типовые синтаксические структуры (далее ТСС) существования и местонахождения. Под ТСС мы понимаем устойчивые, регулярно воспроизводимые конструкции с прототипической семантикой, которые могут

находить выражение как в элементарных (далее ЭПП), так и неэлементарных (далее неЭПП) предложениях [Кошкарева, 2007].

Гипермодель существования и местонахождения имеет вид $LEX^{Loc} V_f^{Ex} N_i^{Ex}$, где N_i^{Ex} (существительное в именительном падеже) – субъект-экзистенс; V_f^{Ex} (глагол в личной форме) – экзистенциальный предикат, LEX^{Loc} (предложно-падежная форма существительного или наречие) – лексема со статической пространственной семантикой.

Одной из особенностей ТСС данного класса является то, что в речевых реализациях они часто подвергаются свертыванию до именной конструкции, так как предикаты с семантикой бытия легко восстанавливаются из контекста. Для примеров такого рода помимо перевода мы будем дополнительно приводить вариант конструкции, в котором восстановлены все обязательные члены структурной схемы. Например: в печали похвали́л бѣ ‘в печали прославь Бога’ > ‘(пребывая) в печали, прославь Бога’; в терпѣны вѣшѣмъ стѣжѣтѣ ‘в терпенье своем обретете’ > ‘вы обретете что-то, если вы будете в терпенье’.

В конструкциях со статической пространственной семантикой метафорические переносы происходят регулярно: так, только в 44% рассмотренных нами реализаций ТСС существования и местонахождения типовая семантика была выражена во всей полноте. В данном круге примеров ситуация разворачивается в физической сфере и семантические роли заполняются канонически: в роли субъекта выступают имена со значением одушевленного существа (оуноша, раба), предмета (сѣкна), вещества (злато, мило) или, в отдельных случаях, силы (огнь); в качестве локализатора также выступают имена конкретно-вещественной семантики (ложѣ, рогозѣна, сѣдѣзѣ, чертогѣ), реже – лица (владыка); позицию предиката заполняют глаголы с семантикой существования (жити, быти), положения в пространстве (сѣдѣти, предѣстѣити, лежати) и проявления признака (снати). Разнообразие структурных разновидностей позволяет дифференцировать типы пространственных отношений, которые устанавливаются между субъектом и локумом:

1) ‘субъект внутри локума’:

а) $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{вз} N_{Loc}^{Loc}$: оуноша етерѣзъ бѣ въ странѣ иетерѣ ‘некоторый юноша в некоторой стране’; сѣдѣциѣ емѣ въ чертогѣ сѣ невѣстою ‘когда он сидел в чертоге с невестой’; и въ частотѣхъ листвѣна его чада ехидноба ‘и в частой листве его детишки ехидны’;

б) $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{внѣтрѣ} N_{Loc}^{Loc}$: створи же ннѣ келию малѣ внѣтрѣ оудѣ первой ‘[он] сделал другую, маленькую келью внутри первой’;

2) ‘субъект на поверхности локума’:

а) $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{на} N_{Loc}^{Loc}$: и сѣде на вдрѣ, і рогознѣ на нем же почиваше ‘и рогожу – на ней он спал’, на главѣ црѣвѣ снати не можетъ ‘на кѣполе цркви снати не может’;

б) $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{верхѣ} N_{Loc}^{Loc}$: и верхѣ ихъ ннѣ двѣ лицѣ ‘и сверху их другие два лица’;

3) ‘субъект у передней части локума’:

а) $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{предѣ} N_{Instr}^{Loc}$: лазарѣ же гноемъ лежаше предѣ браты бѣлаго ‘Лазарь же в гное лежал перед воротами богача’, стати предѣ тобою и пред лицемъ любящихъ тѣ ‘встать перед тобой и перед лицом любящих тебя’;

б) $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Acc}^{Loc}$: ни мѣти предзвѣдаши ‘ни матери, сидящей перед [тобой]’ разъ сѣднѣтъ а владыка предзвѣстонтъ ‘раб сидит, а владыка стоит [перед ним]’;

4) ‘субъект под локумом’ – конструкции вида $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} подъ N_{Instr}^{Loc}$: подъ ярмомъ сѣи ‘под ярмом будучи’;

5) ‘субъект между фрагментами локума’ – конструкции вида $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} посреде N_{Gen}^{Loc}$: приходѣ блжєнынъ і молашєѣ бѣ посреде идола ‘блаженный приходил и молился Богу посреди идолов’;

6) ‘субъект рядом с локумом’:

а) $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} у N_{Gen}^{Loc}$: видѣтъ женѣ столащю у кѣльи своєѣ ‘видит женщину, стоящую у его кельи’;

б) $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} при N_{Gen}^{Loc}$: уже секира при корени дѣла лежитъ ‘уже секира лежит возле корней дуба’;

7) ‘субъект вокруг локума’ – структура вида $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} о N_{Loc}^{Loc}$ но и железа имѣтъ о выахъ своѣхъ ‘но и железо у них вокруг шей’.

Процессы метафоризации в реализациях ТСС существования и местонахождения происходят в результате неизосемического заполнения одной из синтаксических позиций, что приводит к частичной или полной утрате пространственной семантики и переносу ситуации из физической в другие сферы человеческой деятельности. Наиболее свободно и регулярно допускает семантическое варьирование позиция локализатора, случаи появления имен, не обладающих конкретно-вещественной семантикой, в позиции субъекта также достаточно частотны; напротив, круг примеров, где в позиции предиката выступает глагол, семантика которого способствует метафорической трансформации, весьма ограничен и, как правило, сопровождается неизосемическим заполнением одной из предикатных ролей. Ниже мы рассмотрим каждую из этих трех групп метафор.

1. Примеры метафоризации за счет неизосемического заполнения позиции субъекта (N_1).

1) Более 70% метафор данного типа составляют реализации структуры $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} въ N_{Loc}^{Loc}$, в которых позицию локализатора занимает имя с семантикой лица или его части, а в качестве субъекта выступает абстрактное существительное. Перенос основывается на метафорическом механизме, который Дж. Лакофф и М. Джонсон определяют как один из базовых онтологических [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 59], – восприятию человека как «вместилища» в отношении разнообразных ментальных и душевных процессов, рассматривающихся в качестве «объектов». В зависимости от семантической группы, к которой принадлежит имя в позиции субъекта, перенос может происходить в следующих направлениях:

а) **физическое существование > интеллектуальное состояние:**

– субъект – существительное с семантикой продукта интеллектуальной деятельности: яко огнь распалаа помыслы нечѣстна еѣа во мнѣ ‘распалая, как огонь, помыслы нечестивые, что (есть) во мне’;

– субъект – существительное с семантикой интеллектуального состояния: на немъ же всажено имѣтъ зломѣдріє ‘на нем посажено зломыслие’.

б) **физическое существование > эмоциональное состояние:** субъект – существительное с семантикой эмоционального состояния: н любы его да бѣдетъ въ срѣдцѣ твоемѣ ‘и любовь его да будет в сердце твоём’;

в) **физическое существование > духовное состояние:**

– субъект – собирательное наименование со значением набора душевных качеств, позитивно или негативно оцениваемых с точки зрения христианских

д) **физическое существование > духовное состояние**: в роли локализаторов выступают собирательные наименования со значением набора душевных качеств, позитивно или негативно оценивающих с точки зрения христианских ценностей: и ~~пребываи~~ в падении 'и пребывая в падении'; не ~~радуется~~ в неправде ни во лжи 'не радуется в неправде и во лжи' > 'не радуется, когда живет в неправде или во лжи'; а также, в отдельных примерах, существительное 'Бог': ~~пребываи~~ в любви ~~вз~~ ~~бз~~ ~~пребывает~~ 'пребывающий в любви в Боге пребывает'.

3. Примеры метафоризации за счет неизосемического заполнения позиции предиката (V_f сор ADJ, сор ADV) и непредикатных ролей.

Примеры из этой группы, в отличие от рассмотренных выше, не обнаруживают структурной однородности, представляя целый ряд различных моделей ($N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} t N_{Loc}^{Loc}$, $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Gen}^{Loc}$, $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} ADV^{Loc}$). Для них в наибольшей степени характерны трансформации, основанные на метафорах ориентационного типа по классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона, т. е. на аксиологическом переосмыслении физического положения субъекта в пространстве. В качестве источника метафоры в тексте памятника выступают три разновидности пространственных ориентаций:

1) один из типов семантической трансформации восходит к характерному для целого ряда культур соотносению ориентации «вверх» с идеей процветания, а ориентации «вниз», напротив, с неблагополучием. Регулярное появление в тексте памятника метафор, основанных на этом представлении, объясняется особенностями христианской языковой картины мира, в которой идея высоты связывается с приближенностью к небесам и Богу и имеет положительные коннотации, в то время как более низкое положение в пространстве отождествляется с отчуждением от христианских ценностей.

В некоторых конструкциях данной группы отвлеченные существительные выступают только в роли локализатора, относительно которого определяется локация субъекта-лица; в других же случаях обе непредикатные позиции заполняются именами с отвлеченной семантикой:

физическое существование > духовное состояние, характеристика в духовной сфере: и что ~~ея~~ заповѣди выше ~~есть~~ 'и что выше этой заповеди';

2) Другой механизм метафорического переноса заключается в том, что причастность или непричастность человека к определенному набору ценностей или душевному состоянию связывается с идеей физического расстояния: большая дистанция не допускает возможности контакта и взаимопроникновения. Семантическая роль субъекта при этом закреплена за лицом, а позицию локализатора занимают существительные с семантикой эмоционального и душевного состояния:

физическое существование > эмоциональное явление: Т ~~любви~~ ~~далече~~ ~~ѿстои~~ 'от любви далеко отстоящие'.

Следует отметить, что в тексте памятника мы не находим подобных случаев метафорического употребления структур с лексемой «близкий» в качестве предиката, так как определяющим в данном случае является именно наличие расстояния, указание же на его величину имеет скорее усилительную функцию.

3) Последний механизм, базирующийся на оппозиции пространственных ориентаций «справа» и «слева», вызван влиянием библейских текстов на христианскую картину мира. Представление о правой стороне как предпочтительной, по сравнению с левой, восходит к новозаветному отрывку, повествующему о Судном дне, на который автор неоднократно ссылается в тексте сборника:

«Тогда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец

по правую Свою сторону, а козлов — по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира. Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» [Мф. 25].

Так как данный сюжет входил в культурный фон предполагаемого читателя, оппозиция правой и левой стороны свободно употребляется и в других контекстах, сохраняя соответствующие коннотации:

физическое существование > духовное состояние: ниже ошибую обращитца 'которые слева окажутся'.

Упоминание левой, предосудительной, стороны в тексте более частотно (63% от общего числа примеров) и более автономно по отношению к исходному контексту; в частности, с ней связан единственный пример максимальной редукции метафоры данного типа путем номинализации в сочетании со словосложением: *его радъ шмагогогоныа обжени быша* 'поэтому [они] были осуждены стоять слева'.

Таким образом, статические пространственные метафоры в «Паренесисе» Ефрема Сирина частотны и отличаются многообразием с точки зрения как базиса (онтологические и разные типы ориентационных метафор), так и направлений метафорического переноса, однако обнаруживают меньшее структурное разнообразие по сравнению с изосемическими реализациями ТСС существования и местонахождения. В качестве источника стабильно выступает физическая сфера, базовая для ТСС бытийно-пространственного блока, результатом же трансформации становится перенос ситуации в физиологическую, социальную, интеллектуальную, эмоциональную или духовную сферы, как правило, сопровождающийся переосмыслением идеи локализации в физическом пространстве как пребывания в некотором состоянии. Процентное соотношение сфер, в которых реализуются ТСС существования и местонахождения с неизосемическим заполнением семантических ролей, представлено в таблице 1:

Таблица 1

Распределение статических пространственных метафор по сферам

Физиологическая	Социальная	Интеллектуальная	Эмоциональная	Духовная
1,5%	3,5%	19%	35%	41%

Наиболее распространены случаи реализации ТСС бытийно-пространственного блока в физической, духовной и эмоциональной сферах. Это объясняется, прежде всего, тематикой рассматриваемого памятника: в сборник включены произведения жанра назидательного слова, коммуникативной задачей которых является привлечь внимание целевой аудитории — монашества — к духовной стороне жизни, убедить в ее приоритетности, что достигается апеллированием к эмоциональному состоянию в большей степени, чем к интеллектуальному. В то же время социальное положение человека определяется только в терминах его принадлежности или непринадлежности к монашеству, а физиологические процессы и ситуации восприятия действительности органами чувств практически не попадают в фокус.

Литература

Арутюнова Н.Д. От образа к знаку // Мышление, когнитивные науки, индивидуальный интеллект. М., 1988. С. 147–162.

- Ковтун Л.С. Описание метафоризации значений в толковом словаре литературного языка // Современность и словари. Л., 1978. С. 46–60.
- Кошкарева Н.Б. Пропозиция и модель (на материале предложений перемещения в языках Сибири) // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 4. С. 70–80.
- Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск, 2003.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
- Скляревская Г.Н. К вопросу о метафоре как объекте лексикографии // Современная русская лексикография. Л., 1983. С. 53–64
- Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.
- Телия В.Н. Метафора как модель словопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция. М., 1988а.
- Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988б.